

«В МИНУТЕ ГРОЗЫ —
НА СТОЛЕТЬЕ БЕДЫ...»
Поэт Алексей Ганин
и его лучшее творение
«Былинное поле»

Эта поэма вскипела первыми строками, словно горячими бороздами, в 1917 году, когда по мятежной Руси прокатился наконец-то Декрет: «Земля — крестьянам!».

Алексей Ганин в ту пору только что вернулся из-под Питера, из прифронтового лазарета, в родное Присухонье. Он захлеб дышал суровой мужицкой волей. И небывалые события, казалось, уже невозможно было выразить речью обыденной, что дедовская стружка — она хоть и запашиста, а выше верстака не вьется. Требовалась речь прямо-таки поднебесная, озвученная эхом древнеславянских времен, когда Микула Селянинович впервые расчищал нашу землю своей богатырской сошкой. Вот так высоко Алексей Ганин ухватился за Декрет о земле! И в огромное поле своей поэзии гулко вывел внука Микулова для великого праздника — для свободного хлебопашества.

*...А в думе у парня:
«Вспахать бы все поле,
Вспахать бы все горы,
Доехать до края земли,
Где синие рощи в туман прилегли,
Где вольная воля
И Лады кольцо золотое...»*

Это вековая дума не одного Микулова внука, а и самой Земли, уставшей от людских междоусобиц. Именно поэтому «Былинное поле» так широко распахнуто в космос, так яростно гудит противоборством вселенских сил добра и зла. Но Алексей Ганин, в отличие от пролетарских поэтов двадцатых годов, вздымавших молоты и маузеры до звезд, свой космизм «выпахал» в поле русской мифологии, в том поле народных верований, по которому впереди него шли Сергей Есенин, Николай Клюев и Сергей Клычков.

не сундуки с золотом, а именно земля — для просторного труда, а небо — для высокого благовеста.

*...Кипит говорливая пахота
Не от той ли силы немеренной,
Что оставили деды на пахоте
До поры, до урочного времени...*

И продлись такое обнимание с землей, Россия, нищая от войн и революций, скоро обрела бы спасительный взъем жизни. Но вот тут-то на мужицкую волю и навалилась тайная воля тех, кто думал о России всего лишь как о запале для мировой революции.

Мужики еще не видят, не чувят, что над мокрыми их вихрами уже запокачивались тучи ненависти.

*...Набежали из-за моря черные,
Завелй хороводы по заполю,
Карманы с громами повыворотили,
Нависли над селами — тяжельше гор,
Гаркнули голосом во все стороны:
— Гей вы, други-вихори,
ветры буйные,
С каких это пор
Лапотники тучам не молятся?
Али каждый лапоть боярином стал?
Али пых из вас, выхори, выдохся?
Вскиньте поле, как скатерть немытую
Мужичье тут и само рассыплется,
Будто крохи от хлеба вчерашнего...*

Вот она, мстительная директива на погромы крестьянства! «Былинное поле» Алексея Ганина — трагическое прозрение великого обмана. Поэт недолго радовался Декрету о земле: тяжкие стоны присухонских деревень, обложенных непосильной продразверсткой, и волчьи налеты на них продотрядов вологодского губернского комиссара Элиавы, этих баскаков нового ига, — все то, происходившее на глазах поэта, настолько обострило его видение, что за разорением крестьянства открывалась ему и более глубокая подноготная: лишение русского народа национальной самобытности и будущности. Именно ради этой давно вождеденной цели сперва была пущена в ход теоретическая мысль об извечной мелкобуржуазности крестьянства, а затем спущена и директива о физическом уничтожении под видом «кулачества» его самых лучших, самых производительных слоев. Ни одно государство в мире

при любых превратностях судьбы не уничтожало своего кормильца — крестьянство. Это сделано лишь в России для ее самоуничтожения. Но многие люди и поныне не догадываются об этом — вот насколько мы отупели умом и оскудели предчувствием, что даже вблизи не различаем того, что Алексей Ганин видел и понимал уже в 1917—1923 годах.

Но ведь не зря говорят, глупые в работе трижды святы. Еще не ведают мужики, что Декрет — обман, что власть пролетарская — гибель крестьянская, еще горят их руки от сошек, однако вокруг уже что-то переменялось.

*Поле древнее вдруг призадумалось,
По буграм, по морщинистой пахоте
Прокатились, под горками замерли
Думы грустные — тени широкие.*

Какой всеохватный образ! Это уже озноб беды. Уже рывок к схватке. И пахари дерзко отвечают тучам: уж не захмелели ли они от кровавой испарины, уж не от пота ли мужичьего их распучило? Ох, русые головы, еще верят, что вот-вот встретят свою надежду — Ладу-Зарю. И исполнится их мечтание о счастье.

Вот еще когда — с самых первых лет революции — огромная страна, в основном деревенская, уже была опалена скрытой ненавистью к ее верованиям и ее народу. Так и не дали народу прийти к «трудолюбному завтраю», так и не сумели мы по сию пору наладить жизнь, «чтобы наши дороги не хлябали». Удивительно: каким предчувствием будущего обладал молодой поэт Алексей Ганин!

Так и не смогли пахари устоять на своей простодушной правде: тучи «выпили свет», заслонили им солнышко. Но страшней всего то, что тучи заточили их мечтание о счастье — Ладу-Зарю — в темную клетку (догадывайся: в тюремную!), а вокруг нее поставили черных свих да глазастых сов.

И небо поэмы озаряется воображаемой сказкой: вот Месяц на серебряном лосе, вот тучи — свахи с кринками золота и терем ночи, в котором Лада-Заря прядет взаперти лучистый лен и тоскует о своем суженом. А вот и сам правнук Микулы летит на своем Сивке-Бурке к Солнцу-прадеду на поклон, чтобы вызволить Ладу-Зарю из полона. И песня его о сварбе, как о всеземельном празднике, раскатится в небе поэмы:

*...В думях мужичьих просторно,
как в поле:
Гуляй, кому надо, что хочешь топчи,
Только про счастье мужичье шепчи,
Да жалобней вякай про горькую долю,
Будут покорны тогда силачи.
Красные речи замажутся сажей,
Сами друг другу могилу укажут,
Сами себе панихиду споют...*

Вообще, даже безотносительно к ганинской поэме, лишь поглубже задумаешься о доле нашего крестьянства, то, ей-богу, можешь свихнуться от сатанинской толчеи и несуразности, при которых в страшном притеснении и разграблении пребывала у нас именно эта сила, кормящая державу. За какой аграрный факт ни ухватись — всякий щетинится против крестьянства! И Декрет о земле всего через год уже заменился декретом о ее социализации.

Голая политика так ознобила нашу жизнь, что не только закоченела вся мудрость хозяйствования, но и Россия уже перестала существовать как государство. И нас называют всего лишь русским населением, а не народом.

Алексей Ганин и раскрыл в своем «Былинном поле» именно эту зловещую «премудрость» раскрестьянивания. Вот и затянули мужиков в хомуты красных речей. И погасили в них думы о сварбе великой Микулича с Ладой-Зарей, как пустую сказку. В том и состоит третий секрет такой политики.

*Думы погаснут — бессилен Микулич,
Ладу забудут — погибнет и конь.*

А в покорности дальше своего шага не видно:

*...Загукал пенек о пенек:
«Эй, паренек,
Кумачовый умок,
Где ж твоя Лада,
Ситцы и сахар?»
Сами без хлеба, сохи скрипят,
Потом промокло все поле —
Вот вам и красная воля!..*

Безбоязненность поэта поразительна. Предчувствие борьбы безошибочно. Поэтому и вспыхивает в поэме, как афоризм, пророческое двестишье:

*Грозу да напасть
не столетьем считать,
Да в минуте грозы —
на столетье беды.*

Искрами сыплются эти слова в прожитые нами годовщины. Да, уж к веку подбивает, как борозды наши ползут вкривь да вкось, как спутался с толку народ, как злобой да ленью загажено Древнее поле.

...Да, скоро запрягали, да не туда правили! Теперь-то это хорошо видно, но как из 1923 года еще не сбывшееся можно было увидеть? И не ошибиться в предсказаниях? И не устраситься за себя от такой отваги? Вот что значительно для нас в поэте Алексее Ганине!